

ТРИ ТЫСЯЧИ ТЮЛЬПАНОВ

Всё началось с похорон. Вернее с поминок. У моего друга умер отец, и он пригласил меня, по традиции, через сорок дней помянуть его за столом. Как водится, я попытался вспомнить что-то из его жизни и даже привёл какой-то пример. После этого словно прорвало плотину рассказов, но все истории были о моей семье. Малоознакомые мне люди, бывшие соседи – все наперебой рассказывали о жизни моей семьи. И рассказы эти не иссякали в течение часа. Мне стало неудобно, я извинился и ушёл. "Неужели жизнь была такой интересной?" – удивился я. Многие истории я сам вспомнил с трудом. Например, о том, как мой отец подарил городу цветы. Много лет, пока мы жили на посёлке строителей, он выращивал цветы. Много видов цветов, но больше всего было тюльпанов и гладиолусов. Их было просто разноцветное море, огибавшее дом со всех сторон. Но соседи ошиблись – последнее время он выращивал гладиолусы. Вокруг каждого цветка, я помню, лежало колечко из проволоки с цветной изоляцией, чтобы не перепутать цвет луковицы после того, как срежут цветок. И осенью, в зале у телевизора, мы всей семьёй чистили луковицы гладиолусов и сортировали их по ящикам. Когда мы переехали жить в город, возник вопрос: что делать с цветами? Мой отец пошёл в горисполком и подарил все цветы городу. Я потом видел эти гладиолусы на центральной клумбе города. Что поразило всех соседей и знакомых – он отдал их бесплатно. И легенда о трёх тысячах тюльпанов пережила моего отца на десятки лет...

МАННАЯ КАША

Я совсем не помню свою бабушку. Даже не знаю – это была бабушка со стороны мамы или бабушка со стороны папы? Они жили далеко – в России, а мои родители приехали в Беларусь строить город. Но, однажды, меня с сестрой отвезли к бабушке и оставили на всё лето. Там был интересный магазин, где продавали шоколадки-рубль, круглые шоколадки в серебряной фольге с надписью: 1 рубль. И ещё там был притягательный ручей с мостиком и зелёной травой, где прыгало и стрекотало просто невиданное количество кузнечиков. Увы, в магазине без денег не давали шоколадки, и к ручью меня не пускали. И мне всё сразу не понравилось: что я не дома, что нет папы и мамы, не понравилась "чужая" бабушка. А ещё она сварила манную кашу и дала мне маленькую тарелку. А моей сестре просто невероятных размеров большую кастрюлю с кашей. И я заплакал... До того мне стало обидно. Меня стали утешать, спрашивать, что случилось? И я, путаясь в словах и слезах, рассказал о несправедливости. Бабушка молча поменяла тарелку и кастрюлю местами. Сидя с огромной кастрюлей в руках, я вдруг понял: в моей жизни всё будет

хорошо. Всё меняется. И я успокоился. Прошло уже много лет. Но я до сих пор люблю есть манную кашу из кастрюли.

СПОРТИВНЫЙ КОСТЮМ

В тёплую половину года я ношу спортивный костюм, что иногда вызывает раздражение моих близких: "Опять влез в этот костюм. Не ходи в нём на работу. Не ездь в областной город в командировку в спортивном костюме. Когда ты уже наденешь что-то другое? Откуда такая любовь к спортивной форме?" Откуда?.. Когда я был маленьким, я жил в небольшом посёлке из двух или трёх улиц. И на каждой улице стояло в ряд восемь домиков с огородами. Сейчас это выглядит смешно, но в то время это был для меня непонятный, запутанный и бескрайний мир. Максимум, что я делал – гулял на улице около своего забора. Чтобы иметь возможность убежать домой от всех невыносимых опасностей, подстерегающих меня в этой жизни. И только в компании мальчишек и девчонок с нашей улицы я мог дойти до крайнего дома и взглянуть за угол на другую дорогу. Это был большой подвиг, требующий всего моего мужества. А пойти на соседнюю улицу, где стоял магазин, можно было только с мамой или сестрой. Соседняя улица была интересней: там была колонка с водой, из неё капала вода, и пчёлы с пасеки, что располагалась в огороде дома напротив, в летнюю жару прилетали туда за водой. А магазин для меня был волшебной лавкой: чего там только не было!!! И я всегда увязывался вместе с мамой, если она шла в магазин. Но однажды... Мама сказала продавщице: "Покажите вот этот спортивный костюм. Куплю его сыну – пусть бегаёт вокруг посёлка." Я похолодел от ужаса... Вокруг посёлка! Ведь это невероятно далеко! И смогу ли я бежать так долго? Я упорно не хотел мерить костюм, убеждал маму просто уйти из магазина и, наконец, признался ей в своих сомнениях. Мама рассмеялась и сказала, что бегать не обязательно – можно просто носить. Тогда я вздохнул и согласился на этот, такой обязывающий, спортивный костюм.

СОРОКА

В десяти шагах от моего дома начинался лес. Настоящий. Высокие сосны, берёзы, осины – на десятки километров. Там даже было небольшое озеро в воронке от взрыва многотонной авиационной бомбы. Лес был послевоенный, изрытый траншеями и одиночными окопами. Там не скучно было играть. Там можно было есть ягоды, собирать грибы, делать "шапки" из папоротника. А однажды там из гнезда упал на землю птенец сороки. Для меня это был как выигрыш в лотерею миллиона долларов. Схватив птенца, я немедленно побежал домой. Однако игрушка была непростой. Птенец ничего не умел. Приходилось поить сороку водой из пипетки, кормить при помощи пинцета. Каждый день я ловил ей кузнечиков и складывал в спичечный коробок. Ей нужно было давать маленькие камешки для пищевода, тереть морковь и яблоки. И она решительно не хотела оставаться одна. И как справлялись сороки-родители? Вот я даже похудел от свалившихся на меня забот. Сороке нарезали для еды колбасу, и она прятала её на запас. Кусочки колбасы сыпались из одежды, из книг, находились в обуви. В поисках кузнечиков сорока открывала и рассыпала все коробки со спичками. Если мы пололи сорняки на грядках, сорока становилась рядом и упорно дёргала клювом всё подряд: траву, цветы, всё. Она копировала наши действия. Когда мама возмущённо взмахивала руками и отчитывала её за поведение, сорока распахивала крылья и громко хрипела в ответ. Их недовольные крики здорово веселили всю семью. Но вот сорока научилась летать на небольшие расстояния – на соседские огороды. И на нас посыпались недовольные жалобы соседей на пиратские действия сороки. Ей приписывали все возможные грехи и требовали от нас усмирить питомца. Потом на наш двор стала прилетать ещё одна сорока. Они долго о чём-то стрекотали вдвоём, встречаясь каждый день. А потом улетели. Все вздохнули с облегчением. Только я ещё несколько месяцев звал всех пролетающих мимо меня сорок. Это грустно, когда кто-то улетает из твоего гнезда...

ПЕЧЁНАЯ КАРТОШКА

Разумеется, я наедался в детстве яблоками. Они были такие большие, что я не мог обхватить их двумя ладонями. И ягодами мог объесться – на огороде росли клубника, малина, вишня, смородина белая, красная и чёрная, черноплодная рябина, крыжовник красный и зелёный. Кроме этого были сливы и груши.

Можно было съесть огурец с грядки или красный помидор. Обожаю и до сих пор люблю редиску и редьку с солью. Это всё можно было съесть без приготовления, поэтому, естественно, я не обращал на это внимания. А вот картошка, которую можно было испечь в углях костра, просто потрясла меня как открытие. Глядя за действиями более старших ребят, я вдруг понял, что могу сам готовить из сырого продукта вполне съедобное и вкусное блюдо. Это вам не подогреть сало на прутике и не запечь хлеб над костром до угольков. В то лето я всегда носил в кармане спичечный коробок с солью и спички. Копал на огороде картошку и бежал с друзьями в ближайший лесок её печь. Потом яркость этого открытия потускнела и забылась. На смену пришли новые открытия и откровения.

Но однажды я заболел. Заболел опасно и тяжело. И меня положили в больницу. Мне кололи уколы, поили противными лекарствами, давали порошки и таблетки. Родителей в больницу не пускали. Чтобы я не скучал, мне передали несколько детских журналов. Но я ещё не умел читать, а картинки я просмотрел быстро. И чтобы себя чем-то занять, я просто водил пальцем по строчкам, делая вид, что читаю. Палата была на первом этаже, и через стекло окна можно было поговорить с родителями. Однажды они пришли, когда я лежал под капельницей. Я видел их за окном, видел, как машет мне рукой сестра, но не мог встать из-за этой капельницы. Было очень обидно. И когда из меня наконец-то выдернули иглу, я не пошёл к окну, я вышел в коридор и заплакал. Меня успокоила медсестра, и я всё же подошёл к окну. Чтобы как-то меня утешить папа спросил, что мне принести в передачу. Что может попросить маленький мальчик? Игрушки? Конфеты? Печенье? Я попросил принести печёной картошки. И её действительно мне принесли. Я ел печёную на костре картошку и смотрел в окно. Была зима. Вокруг лежал, почти на метр высотой, снег. И я долго думал, как мой отец смог на снегу зажечь костёр и испечь картошку? Но ничего не придумал. А потом как-то и забыл спросить...

КЕДРЫ

Нашим соседом на посёлке Строителей оказался писатель. Хобби у него было такое. Он писал рассказы, стихи... Его печатали даже в Польше. У меня до сих пор хранятся его стихи, посвящённые моему отцу. В этих стихах на четырёх страницах с восторгом описывается жизнь моего отца в тот период. И я разделяю эти эмоции – мне тоже было интересно. Зимой отец сделал из труб невиданные здесь "финские" сани. С двумя полозьями, на которых можно было стоять ногами и ручкой, за которую нужно было держаться. Одной ногой ты стоял на полозе, другой отталкивался, набирая скорость. Вся улица была в потрясении. Купили коньки, и отец залил из шланга водой каток на огороде. Вы представляете? Свой личный ледяной каток на огороде!!! Для птиц делались всевозможные кормушки. Но самым интересным был кусок сала на нитке, подвешенный на ветке сливы. Синицы могли висеть на нём вверх ногами и раскачиваться как качели. И даже яркий дятел прилетал подкрепиться салом. После чего долго чистил клюв о все садовые деревья. Весной и летом были свои чудеса. Строились скворечники. Не простые, а со съёмной крышей, чтобы можно было их периодически чистить. А домики для жаб приводили всех в шок. Это такие плоские сколоченные доски с узкой щелью над землёй, чтобы жабы могли прятаться от солнца. Можно вспоминать бесконечно. Но, что окончательно добило воображение всех соседей, это были кедры. Да, это те самые гордые высокие деревья, на которых растут шишки со вкусными орешками. Отец решил привить кедры на сосны. Он заказал где-то в Сибири ветви кедра, и однажды почта принесла пахнущую хвоей посылку. Неделю отец ходил в лес как на работу. За годы на посёлке поменялись уже все жители. Я давно живу в городе, сестра в Санкт-Петербурге. Но, если вы в Белоруссии, вдруг случайно наткнётесь на кедры у маленького посёлка...

Да-да – это память о моём отце.

Когда я хожу в гости, я всегда с подозрением смотрю на блюда, стоящие на столе. И решаюсь попробовать не более двух. Обычно салат или жареное мясо. Я не любил есть в детском саду, ничего не ел в школьной столовой. Ресторанная еда тоже не вызывает у меня положительных эмоций. Нет, никто на свете не готовит вкуснее моей мамы. Мне всегда нравилось смотреть, как она готовит. Вот пакет страшных куриных лап с торчащими во все стороны коготками. Неужели это можно будет есть? Вот сворачиваемый в рулон какой-то мохнатый желудок – вурдалак бы отвернулся от него в сторону. Но мама делает из него удивительное блюдо под названием рубец. Просто слюнки текут, пока пишу эти строки. Вот утка, набитая рисом, зашивается иглой с ниткой и отправляется в духовку. Вот истекают соком салаты из домашних помидор и огурцов. Но больше всего мне нравились пороги. Были, конечно, и витушки с маком, и творожники, и булочки с изюмом. Но это всё пустяки по сравнению с "лаптями". Так назывались пироги с начинкой из яйца и риса. Чтобы не возиться с ними долго, мама делала их просто огромными, величиной... с лапоть, на всю тарелку длинной. Я наедался одним – больше в меня уже ничего не влезало.

Нет, я никогда не ел ничего вкуснее того, что готовила моя мама.

Ни мне, ни вам уже не придётся попробовать её кухню.

Но я, хотя бы, могу вспомнить...

КАЛИТКА

Собаки... Сколько помню, они всегда жили в моей семье. От щенков до снисходительных взрослых. Они были моими товарищами по играм. С ними можно было побегать в догонялки, побросать палку, устроить перетягивание верёвки. Когда я получал царапину до крови, то бежал к ним. Собакализывала рану, и она заживала на мне как на "собаке". Чтобы содержать собаку не на цепи, отец построил во дворе большой вольер из жердей, а в вольере будку с плоской крышей, чтобы собака могла запрыгнуть на неё и полежать. У каждой был свой характер и своя история. Есть весёлые – их я ещё обязательно расскажу. Есть грустные – их не очень хочется вспоминать, такие как о Рексе, русско-пегой гончей. Он был очень горяч и всегда попадал в неприятности: то он попадёт в мазутную яму, налитую тепловозами, и мы долго отмываем его бензином и выстригаем шерсть; то порежет о стёкла лапы и не может идти, истекая кровью; то просто, увлечённый охотой, потеряется в лесу. И мы оставляли открытой на ночь калитку во двор, чтобы он смог вернуться в свой вольер, где стояла миска с едой и вода. Это особенно запомнилось. Всем нам порою не хватает в жизни такой, открытой даже ночью, калитки, которой нас ждут, за которой тепло, внимание и уют...

СКОРОСТЬ ЧТЕНИЯ

Денег у нас в семье никогда не хватало. Мои родители приехали в Беларусь строить электростанцию и город Светлогорск. И начинали хозяйство с нуля – ничего не было. И тем невероятнее сейчас вспоминаются десятки журналов и газет, которые мы выписывали. У отца были свои: "Цветоводство", "Фотография", "Наука и жизнь",

"Химия и жизнь". Мама читала "Крестьянку", "Роман-газету" и "Вокруг света". У сестры был журнал "Техника молодёжи" и множество газет: некоторые из них такие как "Комсомольская правда", она даже шивала в подшивку. Мне выписывали "Мурзилку", "Юный техник", "Пионер", "Костёр". Названия газет сейчас даже не перечислю – я их тогда не читал. Но читал я всегда много: всё, что мог найти дома, все книги и журналы, всё, что удавалось купить и достать. Сейчас в наше время, когда в интернете можно найти любую информацию, я скачал себе целую электронную библиотеку книг: восемнадцать тысяч томов книг разных писателей. И когда я радостно хвастаюсь своей коллекцией, то говорю: "Мне теперь их и до смерти не перечитать." И все пугаются: "При чём тут смерть? Что у тебя за мысли?" Ну, сами посчитайте. В месяц я успеваю прочесть 5 книг. Это 60 книг в год. За 50 лет я прочту только 3000 книг. Да мне и двух жизней не хватит всё прочесть. Ничего не поделаешь – скорость чтения такая невысокая. И жизнь тоже немножко коротковата...

БЛОКАДНЫЙ САЛАТ

Вы любили в детстве салат? Я нет. Хотя и жили мы в маленьком посёлке, но сколько вкусняшек завозили в магазин! И невиданные финики, которые просто липли к рукам, и креветки, которые нужно было чистить от панциря, и огромные кубы халвы, которые с трудом откалывали кусками, смешная мелкая солёная рыба под названием хамса и много другой рыбы, которая на сковороде превращалась в румяную и очень аппетитную, колбасы, мясо, консервированные ананасы и персики, болгарские фаршированные перцы и венгерские компоты, я уже не говорю про лимонад, мороженое и конфеты! А тут салаты... А всё потому, что у нас на посёлке был хороший сад и огород. И мне готовили салаты... До сих пор не люблю петрушку, не очень хорошо отношусь к огурцам. Но один салат стал для меня любимым. Отец рассказал мне историю блокадного Ленинграда, как умирали там от голода люди во время войны, и когда их освободили, им нельзя было давать хлеб и колбасу. Люди умирали уже от еды – их организм не мог её усвоить. И для них придумывали особое питание. Что можно было придумать во время войны? Одним их блюд был салат из зелёных перьев лука, заправленный жидкой сметаной. Этот салат спас тысячи жизней.

После этого рассказа отца прошло почти 50 лет. И все эти годы я ем "блокадный" салат из зелёного лука.

ПРАБАБУШКИ И ШАРИК

Это были бабушки моего отца, для меня – прабабушки. И жили они в Новгородской области на соседних станциях железной дороги в 15 километрах друг от друга. И их обеих знал один пёс по кличке Шарик. Это была единственная беспородная собака за всё время из тех, что держала наша семья. Он сам нашёл прабабушку и прижился во дворе под крыльцом дома. Были 30-е годы, время не сытное. И Шарик всё время находился в поисках пропитания. Прабабушка его не баловала разносолами, и он шёл к пивной. Там иногда можно было подобрать с пола упавшие кости воблы, слизать разлитую лужу пива. Пьяницы подшучивали над ним – делали из хлебного мякиша стаканчик и наливали водки.

– На, Шарик, лови!

И домой Шарик шёл мертвецки пьяным. На передних лапах, задние подкашивались и заваливались то влево, то вправо.

"Шаричек! Бедный!" – причитала прабабушка. "Да видать тебя колом ударили, позвоночник перебили! На тебе молочка, родимый!"

Утром происходило чудесное исцеление: Шарик прыгал на всех четырёх лапах, как на пружинах. Прабабушка крестилась и благодарила бога. Улучив момент, когда дверь кладовки была открыта, пёс хватал из-под руки кусок мяса и стремительно убежал.

"Ах, разбойник! – кричала прабабушка. – Лучше не возвращайся!"

А Шарик вдоль железной дороги уже бежал к другой прабабушке.

Там ему были рады. "Ах, Шарик, в гости пришёл! На тебе вчерашний суп, а вот пирожок со стола!"

Побыв там месяц, Шарик вновь тащил из кладовки курицу или сало и, под крики прабабушки "Злодей! Плут!", возвращался вдоль железной дороги к первой прабабушке. Та уже забыла про его проделки и успела соскучиться. Шарика ждал праздник. Так он и путешествовал между двумя прабабушками. И вот уже несколько поколений людей улыбаются его проказам.

КОНСТРУКТОР

В город в магазин "Детский мир" меня водили не часто. Просто иногда мама смотрела на меня и говорила: "Пора тебе уже что-то прикупить." Я осматривал себя и недоумевал – меня мой вид и одежда вполне устраивали. Но мы шли в "Детский мир", и, пока мама выбирала мне одежду, я стоял у витрины с игрушками. Пластмассовые солдатики, машинки, куклы, совочки и многое другое в изобилии стояло и лежало на полках. Но более всего мне нравился просто огромный из двух коробок чешский конструктор. Но это была недосягаемая мечта – он стоил восьмую часть зарплаты

моего отца. И мне приходилось искать игрушки попроще. Самыми простыми были кирпичи. В то время по телевизору шёл польский сериал "Четыре танкиста и собака." В нём с долей юмора описывались события недавней войны. И я, как все сверстники, наизусть знал названия наших танков: Т-34, КВ (Клим Ворошилов), САУ (самоходная артиллерийская установка) и немецких: "Тигр", "Пантера". Превратить кирпич в танк было делом одной минуты: башня из песка и подходящий сучок от сосны вместо орудия. И танки-кирпичи тяжело ползли по земле. Мы разыгрывали целые танковые сражения. Игра длилась почти всё лето, и у нас накопилось сорок танков-кирпичей. Но, увы, какой-то хозяин присмотрел их и увёз в неизвестном направлении. Мне стало не с чем играть. Я пошёл к отцу и попросил у него кирпич. "Зачем?" – спросил он. Я рассказал о танковой эпопее. Кирпича не оказалось, но на следующий день он принёс мне в подарок этот замечательный чешский конструктор.

ЁЖ

Ночью нас разбудил лай собаки. Я уже рассказывал вам, что мой отец охотник? У нас всегда были собаки, а у собак – просторный вольер во дворе дома на посёлке Строителей. Он был в двадцати шагах от дома, и яростный лай собаки разбудил нашу семью и три соседних дома. Отец с охотничьим ружьём, мама с веником, а мы с сестрой с одним фонариком на двоих выскочили во двор. Пёс прыгал вокруг ежа, который пришёл поесть из его миски, и с азартом лаял. Отец взял ежа, вынес его за калитку, и мы пошли спать. Через час раздался лай собаки. Это ёж пролез через щели в заборе и прошёл к заветной миске. Ёж этой ночью будил нас ещё два раза. Потом, видимо, наелся. Зато стал приходиться каждую ночь. Через три дня не выспавшийся отец положил ежа в сумку и пошёл на охоту в дальний лес. Все вздохнули с облегчением. Но через два дня раздался лай собаки... Ёж преодолел больше 20 километров, две шоссе и одну железную дорогу и пришёл к миске собаки, где его ждал хлеб с молоком. Ещё дважды отец отнёс его в разные стороны, пытаясь запутать, но через два-три дня раздавался ликующий лай пса – ёж возвращался.

Негодующие соседи, бледные от недосыпания, потребовали навести порядок. Отец купил в магазине бутылку вина, посадил ежа в бумажный пакет и подошёл на автостанции к шофёру автобуса. И ёж из Белоруссии поехал на Украину. Засыпая ночью, я ещё успел подумать: "Интересно, сколько понадобится времени ежу, чтобы вернуться на наш огород?"

ФОТОГРАФИЯ ДЕДА

Для многих история – школьные учебники, которые много лет утяжеляют рюкзак. Для меня история – это жизнь моей семьи. Это рассказы отца о войне, о тех боях в которых ему везло и о том бое, где удача отвернулась. Осколками мины ему оторвало пальцы на правой руке и так нашпиговало тело, что часть из них так и не стали удалять. Это рассказы дяди о его рейдах по тылам противника с партизанской бригадой Ковпака по Карпатам до Румынии. О нём даже написали в толстой книге. Это медаль мамы за послевоенный труд. А из старой газетной вырезки я узнал про своего деда. Как и героя книги "Как закалялась сталь" его, комсомольца, направили в 1918 году строить железную дорогу. В 1924 году по ленинскому призыву он вступил в партию большевиков. Был рабкором газеты "Звезда". Он поднимал страну из разрухи после революции и первой мировой войны. Но бандитская пуля оборвала его жизнь... Он похоронен в братской могиле. И памятью о нём сохранились только стихи местного поэта, этот рассказ и фотография в потемневшей от времени газете...

Я уважительно отношусь к истории, хоть и не всё мне нравится в ней. Но история – это мир вокруг меня, судьбы моих родных. Это память. Пусть даже такая маленькая, как единственная фотография в газете.

В 1965 году 9 мая – День Победы стал выходным днём. До этого был просто рабочим днём. Я всегда радовался, что в год, когда я родился, появился новый выходной. И ещё мне нравился обычай маёвки. В лес между городом и посёлком приезжали машины из магазинов. И начинали выгружать прямо на землю ящики с лимонадом и пивом. Играла музыка. Из ящиков делали прилавки, устлали их материей и раскладывали разные вкусные закуски. Люди садились прямо на траву, даже подстилок порой не было никаких и начинали праздновать. Они пили, ели, пели песни. Всё это было мне крайне интересно. А особенно меня интересовали пустые бутылки. Их собирали дети, как грибы, бегая с авоськами между групп отдыхающих. Тяжёлые сетки бутылок я относил домой и вновь бежал на маёвку. Конечно, мне давали рубль на покупки, но он очень уж быстро заканчивался... Зато на пустых бутылках я столько зарабатывал денег, что мама избавляла меня от их тяжёлой обязанности их тратить, оставляя за труды ещё один рубль. И настоящий праздник, конечно, был дома. Отец вывешивал на доме красный флаг. Готовились праздничные блюда. Меня отмывали в ванной. Прибирался дом. Кормили собаку. Отец одевал пиджак с орденом и утирал слёзы, слушая песни о войне. И говорил, что День Победы это очень хорошо, но лучше бы вообще не было войны...

ОХОТА НА РЯБЧИКОВ

Лес моего детства ещё ярко напоминал о прошедшей войне. Деревья с мест боёв не брали на лесопилки – в них столько было осколков, что пилы не могли их распилить. Ещё не обвалились блиндажи, не заросли травой и мхом окопы, кривыми зигзагами тянулись траншеи. И там было столько интересного! Обрывки немецких пулёмётных лент, ржавые каски, пустые гильзы от снарядов, пули и патроны – столько игрушек! Но когда я, вспотевший и уставший, дотащил до дома два тяжелых снаряда от крупнокалиберной пушки, отец решил, что пора обучить меня охоте, чтобы направить меня в нужное русло. С коробкой пуль для пневматического ружья я сидел во дворе у сарая и стрелял из "воздушки" с утра до вечера. Я стрелял по мишеням, по консервным банкам, по спичечным коробкам. Я учился отмерять меркой порох и дробь, менять капсуля, снаряжать патроны к охотничьему ружью. Я всё знал о пыжах и картечи. Я разбирал, смазывал и собирал охотничье ружьё. Научился манить рябчика охотничьим манком. Когда отец приносил с охоты зайца и подвешивал его на верёвках, а снизу ставил тазик, я стоял рядом и наблюдал процесс разделки: как снималась шкура, выковыривалась дробь, доставались внутренности, капала кровь – это было жутко. Но охотник всё должен уметь. И вот, наконец, мы идём на охоту. Отец с ружьём, я вместо собаки. Да и кто в мои 6 лет даст ружьё? Мы долго ходим по орешнику, свистим в манок. Наконец, уставшие садимся перекусить. Разложили на газете припасы, сидим, едим. И тут к нашим ногам выбегает рябчик. Он весело смотрит на нас, замерших с хлебом и помидорами в руках. И улетает. Такой была моя первая охота на рябчиков.

